

ЛОРЕН
ВАЙСБЕРГЕР

Дьявол носит PRADA

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
В14

Серия «Exclusive»

Lauren Weisberger
THE DEVIL WEARS PRADA

Перевод с английского *М.Д. Малкова и Т.Н. Шабаевой*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Curtis Brown Group Limited и Andrew Nurnberg.

Вайсбергер, Лорен.

В14 Дьявол носит Prada : роман / Лорен Вайсбергер ;
[пер. с англ. М.Д. Малкова и Т.Н. Шабаевой]. — Мо-
сква : Издательство АСТ, 2015. — 448 с. — (Exclusive).

ISBN 978-5-17-090617-8

Работа в журнале мод...

Мечта любой женщины? Кошмар любой женщины!

Добро пожаловать в ад «под глянцевого обложкой»!!!

Кофе? Всегда холодный и невкусный!

Дизайнерские шмотки со скидкой?

Вышли из моды в позапрошлом сезоне!

Работа в неурочное время?

О личной жизни можно забыть!

Но все бы ничего, если бы не начальница — легендар-
нейшая из стерв мира от-кутю, то ли продавшая за успех
душу дьяволу, то ли (по слухам) изгнанная из ада за невоз-
можный характер!..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Lauren Weisberger, 2002

© Перевод. М.Д. Малков, 2009

© Перевод. Т.Н. Шабаева, 2009

© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-090617-8

Пролог

На перекрестке Семнадцатой авеню и Бродвея еще не загорелся зеленый сигнал светофора, а целая орава нахальных желтых такси уже с ревом двинулась мимо меня, не обращая ни малейшего внимания на мои бесплодные попытки совладать с автомобилем. Сцепление, газ, теперь переключить скорость (с нейтральной на первую? или с первой на вторую?), отпустить сцепление... Я снова и снова мысленно твердила заклинание, которое очень мало успокаивало и еще менее могло служить руководством к действию среди ревушего потока машин. Маленький автомобильчик дважды взбрыкнул и, вильнув, рванул через перекресток. Сердце у меня так и подпрыгнуло. Внезапно ход машины выровнялся, и я начала набирать скорость. Да еще как набирать. Я посмотрела вниз, желая убедиться, что действительно включила вторую передачу, — но багажник идущей впереди машины вдруг вырос до угрожающих размеров, мне оставалось только вдавить в пол педаль тормоза — и у меня сломался каблук. Вот черт! Еще одна пара туфель стоимостью семьсот долларов принесена в жертву моему полнейшему неумению изящно разрешать трудные ситуации: уже третий случай за этот месяц. Я испытала почти облегчение, когда машина встала (похоже, во время отчаянного торможения я упустила из виду сцепление). У меня было несколько секунд — вполне

спокойных, если не принимать во внимание раздраженное гудение и всяческие вариации со словом «мать», обрушившиеся на меня со всех сторон, — чтобы снять искалеченные туфли от Маноло и швырнуть их на заднее сиденье. Нечем было вытереть потные ладони — разве только о замшевые брюки от Гуччи, которые обхватывали мои бедра так туго, что ноги затекали через несколько минут после того, как я застегивала последнюю кнопку. Мокрые пальцы оставили полосы на мягкой замше. В самый час пик, в центре города, на каждом шагу таящем в себе опасности, я пыталась управлять автомобилем стоимостью восемьдесят четыре тысячи долларов, автомобилем с откидным верхом и механической коробкой передач — тут было не обойтись без сигареты.

— Эй, детка, вали отсюда к чертовой матери! — надрывался смуглый водитель с таким обилием волос на груди, что они торчали из-под майки. — Что тебе здесь, гребаная автошкола? Уйди с дороги!

Я показала ему трясущуюся руку с оттопыренным средним пальцем и больше не обращала на него внимания. Меня занимало одно: как в кратчайший срок наполнить свои сосуды никотином. Ладони у меня опять взмокли, и спички постоянно выскользывали из пальцев. Зеленый свет загорелся как раз в тот момент, когда я поднесла-таки пламя к кончику сигареты. Сжимая сигарету губами, я вновь попыталась повторить загадочную последовательность действий: сцепление, газ, теперь переключить скорость (с нейтральной на первую? или с первой на вторую?), отпустить сцепление, — при этом с каждым вдохом я глотала дым. Мне пришлось проехать еще три квартала, пока движение машины не стало достаточно ровным, только после этого я могла убрать сигарету, — но было уже слишком поздно: ее длинный хрупкий сгоревший кончик обрушился прямо на темную полосу на моих замшевых брюках. Зрелище весьма плачевное. Но прежде чем я успела осознать,

что, считая с туфлями от Маноло, меньше чем за три минуты испортила вещей на три тысячи сто долларов, громко заблеял мобильник. И хотя жизнь в самой своей глубинной сути в этот момент и так казалась отвратительной, определитель подтвердил худшее, что я только могла предположить: это была она. Миранда Пристли. Мой босс.

— Ан-дре-а! Ан-дре-а! Вы слышите меня, Ан-дре-а? — заверещала она в тот момент, как я открыла свою «Моторолу», что потребовало немалой ловкости, ведь мои руки и ноги (босые) были заняты выполнением разнообразных водительских функций. Плечом я прижала телефон к уху и швырнула за окно сигарету, чуть не попав в курьера на велосипеде, и перед тем, как унести вперед, он несколько раз крайне неоригинально проорал «твою мать».

— Да, Миранда, я слышу вас очень хорошо.

— Ан-дре-а, где моя машина? Вы уже поставили ее в гараж?

Впереди наконец-то зажегся благословенный красный свет, и, похоже, собирался гореть достаточно долго. Автомобиль вздрогнул и остановился, не ударившись ни о кого и ни обо что. Я с облегчением вздохнула.

— Я сейчас как раз в машине, Миранда; через пару минут буду в гараже.

Подумав, что она, возможно, беспокоится о том, все ли в порядке, я постаралась уверить ее, что нет никаких проблем и мы с машиной вот-вот прибудем — обе в отличном состоянии.

— Вот еще что, — резко сказала она, оборвав меня на полуслове, — заберите Митци и отвезите ее ко мне домой, перед тем как вернетесь в офис.

Щелк. Телефон замолчал, и я тупо уставилась на него. До меня не сразу дошло, что она повесила трубку вполне сознательно, поскольку, с ее точки зрения, я получила всю необходимую информацию. Митци. Кто эта чертова Митци? Где она сейчас может быть? Известно

ли ей, что я должна ее забрать? Зачем ее надо везти домой к Миранде? И с какой стати Миранда, у которой есть шофер, экономка и няня, взвалила эту заботу на меня?

Вспомнив, что в Нью-Йорке за рулем запрещено говорить по мобильнику, и, вполне понимая, что последнее, что мне сейчас нужно, — это столкнуться с каким-нибудь не в меру усердным копом, я перестроилась в правый ряд и включила аварийку. «Вдох — выдох», — я не позволяла себе расслабиться и даже вспомнила, что перед тем, как оттянуть рычаг ручного тормоза, следует убрать ногу с педали ножного. Давненько я не водила автомобиль с механической коробкой передач, а точнее, уже пять лет, с тех пор как в колледже один приятель по собственной инициативе одолжил мне свою машину для нескольких занятий по вождению, на которых я — чего уж греха таить — потерпела полный крах. Но, похоже, Миранда вовсе не задумывалась об этом, когда полтора часа назад позвала меня в свой кабинет.

— Ан-дре-а, нужно забрать мою машину и перегнать ее в гараж. Займитесь этим сейчас же. Она понадобится нам сегодня вечером для поездки в Хэмптон. Это все.

Я словно приросла к полу, стоя перед ее чудовищных размеров столом, но она уже не замечала меня. Или так мне казалось.

— Это все, Ан-дре-а. Сделайте это как можно скорее, — добавила она, даже не взглянув на меня.

«Ну конечно, это ведь Миранда», — думала я, выйдя из ее кабинета и пытаясь уяснить, с чего надо начать выполнение поручения, несомненно, таящего в себе тысячи подвохов. Выходило так, что сначала нужно было найти место, откуда следовало забрать машину. Скорее всего она находилась в автосервисе. Но это мог быть любой из миллиона автосервисов в одном из пяти районов Нью-Йорка. Могло быть и так, что Миранда одолжила автомобиль подруге и теперь он занимал теплень-

кое местечко в гараже со всеми удобствами где-нибудь на Парк-авеню. Ну и, конечно, не исключено, что она имела в виду какую-то новую машину — неизвестной марки, — которую только что приобрела и которую еще не успели перегнать к ней домой из автосалона (опять же неизвестного). Мне предстояла отличная работка.

Я начала с того, что позвонила няне детей Миранды, но там работал автоответчик. Следующей по списку была экономка, и это оказалось то, что нужно. Выяснилось, что речь шла не о новой машине неизвестной марки, а о зеленом спортивном авто с откидным верхом, которое обычно стоит в гараже возле дома Миранды. Но экономка понятия не имела, какой она марки и где может находиться. Следующей по списку была секретарша мужа Миранды, которая сообщила, что, насколько ей известно, чета владеет ультрасовременным черным джипом «линкольн-навигатор» и вроде бы еще маленьким зеленым «порше». То, что надо! Я нашла ниточку. После звонка в автосалон «Порше» на Одиннадцатой авеню между Двадцать седьмой и Двадцать восьмой улицами выяснилось, что да, они только что закончили покраску зеленого кабриолета «карьер-4» для миссис Миранды Пристли и установили в нем новую магнитоу. Прямо в яблочко!

До автосалона я добралась на служебной машине. Там я предъявила записку с подделанной мною подписью Миранды, согласно которой они должны были отдать машину мне. Никто не задался вопросом, кем я прихожусь Миранде Пристли и с чего бы постороннему лицу заявляться сюда и требовать чужой «порше». Они бросили мне ключи и лишь посмеялись, когда я попросила помочь мне вывести машину из гаража, потому что я не была уверена, что смогу включить заднюю передачу. За полчаса я одолела десять кварталов и сейчас направлялась к району, где жила Миранда и где находился гараж, который мне описала ее экономка. Я все еще не могла сообразить, где мне следует повернуть. Шансы на

то, что, продолжая в том же духе, я не нанесу серьезного ущерба себе, автомобилю, велосипедистам, пешеходам и прочим движущимся объектам, были весьма невелики, и этот новый звонок не прибавил мне оптимизма.

Я снова начала обзванивать всех подряд, и на этот раз няня детей Миранды ответила после второго гудка.

— Кара, привет, это я.

— Привет, что там такое? Ты на улице? Тебя почти не слышно.

— Да, вот именно. Мне пришлось забирать из сервиса «порше» Миранды. Я толком и не умею водить спортивные машины. А сейчас она позвонила, хочет, чтобы я забрала какую-то Митци и привезла ее к вам. Кто эта чертова Митци и где она может быть?

Прошло минут десять, пока Кара перестала смеяться.

— Митци — это их французский бульдог, она сейчас у ветеринара. Ее стерилизовали. Предполагалось, что ее заберу я, но только что Миранда позвонила и велела забрать близнецов из школы пораньше, потому что они все вместе собираются в Хэмптон.

— Ты шутишь. Как я смогу привезти эту чертову собаку на этом «порше» и при этом не разбиться? Это просто невозможно.

— Она в ветлечебнице на Пятьдесят второй улице, между Первой и Второй авеню. Извини, Энди, мне сейчас надо за девочками, но ты звони, если что, ладно?

Для того чтобы добраться на упрямой зеленой скотине до нужного места, мне пришлось собрать в кулак всю оставшуюся волю, и к тому времени, когда я доехала до Второй авеню, у меня от напряжения ныло все тело. Ничего худшего случиться уже не может, успокаивала я себя, когда очередная машина тормозила в каких-то миллиметрах от моего бампера. Любая царапина на авто неминуемо означала бы потерю работы (что вполне естественно), но такая прогулка могла стоить мне и жизни. Места для парковки не осталось — полдень! — поэтому я позвонила в лечебницу и попросила вынести

мне Митци. Через несколько минут явилась любезная женщина с подвывающей и сопящей собачонкой (мне как раз хватило времени, чтобы ответить на очередной звонок Миранды, которая интересовалась, почему я еще не в офисе). Женщина показала мне швы на животе у Митци и объяснила, что ехать надо очень, очень осторожно, потому что собака «испытывает небольшой дискомфорт». Ну конечно, леди, я поеду очень, очень осторожно, единственно для того, чтобы сохранить свою работу, а может быть, и свою жизнь, а если собака от этого выиграет, так это только к лучшему.

Когда Митци свернулась калачиком на сиденье, я закурила сигарету и растерла свои онемевшие от холода ступни, чтобы вернуть им способность нажимать на педали. «Сцепление, газ, теперь переключить скорость, отпустить сцепление», — нараспев повторяла я, стараясь не обращать внимания на жалобные стенания собаки, раздававшиеся каждый раз, когда я разгонялась. Собачонка то скулила, то подвывала, то фыркала. К тому времени как мы добрались до места, она была уже на грани истерики. Я попыталась ее погладить, но она почувствовала мою неискренность, да и руки у меня были заняты, чтобы прижимать ее к себе и успокаивать. Вот чем закончились четыре года изучения и подробного разбора книг, постановок, стихов и рассказов: мне вменяется в обязанность с комфортом доставить маленькую, похожую на сардельку белую собачонку и при этом не поцарапать невероятно дорогую чужую машину. Веселенькая у меня жизнь. Как раз то, о чем я мечтала.

Мне удалось вручить собаку и машину привратнику Миранды целыми и невредимыми, но руки у меня продолжали трястись даже после того, как я забралась в служебную машину, которая следовала за мной через весь город.

— Едем назад в «Элиас-Кларк-билдинг», — со вздохом сказала я водителю, он вырулил на проезжую часть,

и мы направились на юг, к Парк-авеню. Этим маршрутом я ездила ежедневно, иногда даже по два раза в день, и знала, что у меня всего шесть минут, чтобы перевести дух, собраться с мыслями и придумать, как получше замаскировать пятна от пепла и пота, которые, похоже, стали неотъемлемым украшением моего замшевого наряда от Гуччи. Туфли безнадежны, хотя, может, с ними и сумеют что-нибудь сделать мастера, которых для этого специально держат в «Подииуме». На дорогу на этот раз ушло всего четыре с половиной минуты, и я, будто стреноженный жираф, заковыляла к дверям на единственном уцелевшем каблуке высотой десять сантиметров. Быстренько в кладовую — переобуться в ультрамодные высокие (до колена) темно-бордовые сапоги от Джимми Чу; они здорово смотрелись с юбкой из мягкой кожи, которую я надела, швырнув свои замшевые брюки в грудку вещей, ожидающих «суперделикатной чистки» (цены у них от семидесяти пяти долларов). Оставалось только привести в порядок лицо; одна из редакторов в костюмерной, глянув на мой потекший макияж, подтолкнула ко мне коробку с косметикой.

«Совсем неплохо», — подумала я, увидев себя в одном из больших, в человеческий рост, зеркал, которые здесь были повсюду. Даже не догадаешься, что всего пару минут назад я была на волосок от того, чтобы разбиться самой и прикончить любого на моем пути. Я уверенно вошла в роскошное помещение секретариата, откуда вела дверь в апартаменты Миранды, и спокойно заняла свое место, зная, что у меня есть несколько свободных минут, пока она не закончит обедать.

— Ан-дре-а, — позвала она из своего кабинета, от которого, несмотря на продуманную до мелочей обстановку, отчаянно веяло холодом. — Где автомобиль и собака?

Я сорвалась с места и побежала так быстро, как только можно бежать по ворсистому ковровому покрытию на двенадцатисантиметровых каблуках.

— Я передала машину служащему в гараже, а Митци — вашему привратнику, — сказала я, стоя перед ее столом и гордясь тем, что сохранила в целости машину, собаку и даже себя.

— И зачем вы это сделали? — рывкнула она, глянув на меня поверх ежедневного выпуска «Женской одежды» — в первый раз с тех пор, как я вошла. — Ведь я же ясно сказала вам доставить их сюда, сейчас подъедут девочки, и нам понадобится машина.

— Ой, на самом деле я думала, вы сказали, что хотите, чтобы...

— Достаточно. Ваши оправдания интересуют меня меньше всего. Заберите машину и собаку и доставьте сюда. Все должно быть сделано через пятнадцать минут. Вам ясно?

Пятнадцать минут? Бредит она, что ли? Мне понадобится минута или две, чтобы спуститься, еще четыре или шесть — чтобы добраться до ее квартиры, а потом еще примерно часа три, чтобы найти бульдога в восемнадцати комнатах, извлечь со стоянки своенравную колымагу и проехать на ней двадцать кварталов назад к офису.

— Ну конечно, Миранда, через пятнадцать минут.

Меня затрясло сразу же, как я выбежала из ее кабинета; даже стало интересно, можно ли в двадцать три года — в цвете, что называется, лет — получить разрыв сердца. Первая же сигарета, которую я закурила, приземлилась прямо на кончик моего сапога и, вместо того чтобы сразу же упасть на пол, продержалась там достаточно долго, чтобы прожечь аккуратную маленькую дырочку.

— Здорово, — пробормотала я, — все это просто чертовски здорово.

Подведем черту под моими сегодняшними потерями: похоже, это новый персональный рекорд. «Может, она подохнет раньше, чем я вернусь. — Я рассудила, что сейчас самое время подумать о светлой

стороне вещей. — Может быть — ведь не исключено же такое, — она сляжет от чего-нибудь редкого, экзотического, и это освободит нас от нее на какое-то время». Я с наслаждением затянулась в последний раз, растоптала окурки и велела себе быть благоразумной. «Ты ведь не хочешь, чтобы она умерла, — думала я, вытягиваясь на заднем сиденье, — ведь если это произойдет, у тебя не останется никакой надежды прикончить ее своими руками. А вот это-то и будет настоящая неприятность».

Глава 1

Я была полной невеждой, когда, явившись на свое первое собеседование, вошла в один из прославленных лифтов «Элиас-Кларк»; лифты эти были самым популярным транспортным средством в роскошном мире высокой моды. Я и понятия тогда не имела о том, что наиболее осведомленные журналисты, пишущие для колонок светской хроники, завсегдатаи светских раутов и влиятельные фигуры массмедиа неустанно охотятся за безукоризненно элегантными, одетыми в соответствии с последними веяниями моды пассажирами этих бесшумно скользящих лифтов. Я в жизни не видала женщин с такими сияющими светлыми волосами, не знала, что на поддержание достигнутого эффекта они тратят по шесть тысяч долларов в год и что человек посвященный может определить, какой именно стилист красил эти волосы, лишь мельком глянув на его творение. Я никогда не встречала таких красивых мужчин. Они были в замечательной форме — не слишком мускулисты, ведь это «несексуально», — но, глядя на их трикотажные обтягивающие майки и облегающие кожаные брюки, вы всегда понимаете, что видите перед собой фанатов гимнастических залов. Сумки и туфли, каких не бывает у простых смертных, так и кричали: «Прада! Армани! Версаче!» Я слышала от друга своего друга, по-

мощника редактора журнала «Шик», что частенько те или иные аксессуары встречаются в этих самых лифтах со своими творцами — трогательное свидание, во время которого Миуччия, Джорджио или Донателла могут еще раз полюбоваться туфлями на шпильках из своей летней коллекции 2002 года или сумочкой из прозрачных бусинок, бывшей частью весенней коллекции. Да, я знала, что жизнь моя изменится, но не была уверена, что к лучшему.

Мне было тогда двадцать три года; я провела их в зауряднейшем американском городке, и существование мое тоже было вполне заурядным. Вырасти в захолустном Эйвоне, штат Коннектикут, означало непременно участие в спортивных состязаниях старшекласников, школьных диспутах-семинарах и «вечеринках с выпивкой» в милых загородных фермерских домиках, когда чьи-то родители находились в отъезде. У нас были тренировочные брюки для школы, джинсы для субботнего выхода и гофрированные юбки-солнце для «полуофициальных» вечеров с танцами. Что уж говорить об университете! После всего этого он стал для нас открытием нового мира. В университетском городке проводилось бесчисленное множество общественных мероприятий, имелось огромное число факультативов и кружков для всех «talантов», незадачливых оригиналов и компьютерных шизиков, какие только могли уродиться на свет. Даже если избранный вами вид творческой или интеллектуальной деятельности изначально был доступен лишь избранным — даже тогда Университет Брауна давал вам возможность проявить себя. Единственным, пожалуй, исключением была высокая мода. Четыре года шатаний по Род-Айленду в майке и кроссовках, изучения французского импрессионизма и кропания бесконечных курсовых и рефератов не дали мне ничего хоть сколько-нибудь полезного для той работы, которую я получила по окончании университета.

Я оттягивала этот момент как только могла. Сразу после выпускного я собрала всю небольшую наличность, какая у меня имелась, и отправилась в путешествие, растянувшееся на пять месяцев. Месяц я колесила по Европе, проводя больше времени на пляжах, чем в музеях, и по глупости не поддерживала связей ни с кем, кроме Алекса, с которым мы были вместе три последних года. Он знал, что недель через пять я непременно почувствую себя одинокой и брошенной, а его стажировка как раз подходила к концу, и у него оставалось несколько свободных месяцев до назначения на должность учителя в одну из американских школ. Вот так и вышло, что в Амстердаме он преподнес мне сюрприз. Я к тому времени уже достаточно насмотрелась на Европу, он уже совершал подобную поездку прошлым летом, поэтому, пообедав в кафе (не обошлось тогда и без спиртного), мы объединили наши дорожные чеки и купили два билета до Бангкока.

Мы проехали с ним большую часть Юго-Восточной Азии и редко тратили больше десяти долларов в день. Говорили мы в основном о нашем будущем. Ему не терпелось начать преподавать английский в какой-нибудь заурядной городской школе, он горел желанием облагораживать юные умы из самых бедных и самых отверженных слоев населения, так гореть способен был только Алекс. Я же собиралась найти работу в каком-нибудь журнальном издательстве. Конечно, я знала, что в «Нью-Йоркер»* меня сразу после учебы скорее всего не возьмут, но я была полна решимости попасть туда в ближайшие пять лет. Это было все, чего я желала для себя, единственное место, где мне на самом деле хотелось работать. Это запало мне в душу еще тогда, когда я услышала разговор своих родителей — они обсуж-

---

* «Нью-Йоркер» — еженедельный литературно-политический и сатирический журнал, оказывающий большое влияние на литературную жизнь США. Основан в 1925 г. — *Здесь и далее примеч. пер.*

дали только что прочитанную статью, и мама сказала: «Хорошо написано, такого больше нигде не найдешь», а отец согласился: «Да уж, это единственная стоящая вещь во всей сегодняшней макулатуре». Я влюбилась в этот журнал. Я влюбилась в его живые, меткие обзоры и остроумные иллюстрации, в то особое чувство сопричастности, какое он давал своим читателям. Вот уже семь лет я прочитывала каждый номер от корки до корки и знала названия всех разделов, имена всех редакторов и авторов статей.

Мы говорили о том, как мы вступим на новое поприще, и о том, как здорово, что мы делаем это вместе. Мы вовсе не рвались обратно, словно предчувствуя, что это лето — последнее затишье перед бурей, и продлили наши визы в Дели, чтобы иметь возможность еще несколько недель путешествовать по чудесной экзотической Индии.

Что ж, нет лучшего средства, чтобы вернуться из сказки в суровую реальность, чем амебная дизентерия. Неделю я провалялась в замызганной индийской гостинице, умоляя Алекса не оставлять меня умирать в этом забытом Богом месте. Еще через четыре дня мы приземлились в Ньюарке, и моя перепуганная мать уложила меня на заднее сиденье машины и причитала надо мной всю дорогу. Сбылась мечта еврейской матери: у нее появилась законная возможность приглашать в дом одного доктора за другим, пока она совершенно не убедилась в том, что последний мерзкий паразит оставил в покое ее маленькую девочку. Через четыре недели я вновь почувствовала себя человеком, еще через две — поняла, что жизнь дома, с родителями, для меня невыносима. Мама и папа были славные, но имели привычку выпрашивать, куда я иду, всякий раз, как я собиралась уходить, и где я была — когда возвращалась, и это очень быстро мне надоело. Я позвонила Лили и спросила, могу ли я рассчитывать на диванчик в ее крохотной квартирке в Гарлеме. По доброте душевной она сказала «да».